

A close-up portrait of Egor Letov, a man with long brown hair and a beard, smiling broadly. He is wearing a dark jacket. The background is a soft-focus outdoor scene with trees and sunlight filtering through the leaves.

18+

ЕГОР ЛЕТОВ СИЯНИЕ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ. ИНТЕРВЬЮ,
МОНОЛОГИ, ПИСЬМА
1986-1997

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ КОБЛОВ

Егор Летов
Алексей Л. Коблов
Сияние. Прямая речь,
интервью, монологи,
письма. 1986-1997
Серия «Герои эпохи: биографии»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67637270
Егор Летов Сияние. Прямая речь, интервью, монологи, письма.
1986-1997 автор-составитель Алексей Коблов:
ISBN 978-5-17-135829-7

Аннотация

Давно назрела необходимость собрать воедино именно прямую речь Егора, его многочисленные интервью, монологи, разговоры с друзьями, письма и дать возможность увидеть его, говорящего исключительно своими словами, без развернутых обзоров, дотошного анализа и критических рецензий, разве что с небольшими пояснительными комментариями. В англоязычной практике есть такая форма – «... in his words», что, собственно, и означает: «своими словами». Ну а в случае с Летовым это вдвойне ценно – вот уж кто действительно пользовался словом как ещё одним оружием, средством донести до мира то, чем он жил, что

его занимало и беспокоило. В каком-то смысле это единственно возможная попытка возместить так и не состоявшиеся книги диалогов и бесед с Егором, которые ему предлагалось сделать при жизни. В сборнике, охватывающем период с 1986 по 1997 год, можно увидеть и культовые тексты, повлиявшие на целые поколения читателей и слушателей, и программные заявления, и острую риторику, – всё то, что составляло части единого целого или, как говорил сам Егор, «великого множества». Есть тут и малоизвестные интервью, развернутые концертные монологи, письма, фотографии, автографы и иллюстрации. Всё это похоже на калейдоскоп с бесконечными новыми сочетаниями. Противоречивая и при этом поразительно цельная личность Егора Летова продолжает вызывать неугасающий интерес.

Алексей Коблов

Содержание

Егор Летов в его собственных словах, часть первая	8
1986	10
Краткая история «Г.О.»	10
1987	27
Панки в своём кругу	27
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Егор Летов
Сияние
Прямая речь,
интервью, монологи,
письма. 1986–1997
автор-составитель
Алексей Коблов

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Оформление обложки – Григорий Калугин

Фотография на обложке – Анна Волкова

Издательство благодарит Наталью Чумакову и Сергея Попкова за помощь в подготовке книги.

Серия «Герои эпохи: биографии»

© Коблов А.Л., составление, 2022

© Летов И.Ф., наследники, 2022

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

**Но сиянье обрушится вниз
Станет самым тобой**



Егор Летов в его собственных словах, часть первая

Прямую речь Егора Летова, его интервью, монологи, реплики на концертах, разговоры с друзьями, письма цитируют не меньше, чем его песни и стихи. И надо сказать, он этим успешно пользовался, как ещё одним оружием, средством донести до окружающего мира то, чем он жил, что его беспокоило, интересовало, увлекало в разное время. Сотканный из противоречий, он тем не менее предстаёт тут парадоксально цельной фигурой, словно бы закольцевав путь от «одиночки опаснее для социума, чем целое движение» до «если Праздника нет, то эта жизнь на хуй не нужна». В своё время стараниями Натальи Чумаковой и Константина Тараторина был выпущен трёхтомник летовских черновиков, демонстрирующий внутреннюю кухню большого поэта и являющийся теперь библиографической редкостью. И становится не менее интересно собрать воедино летовскую прямую речь разных лет, сохранив её на бумаге, именно прямую речь, без досужей аналитики, рецензий, размышлений и прочего стороннего взгляда, нередко очень высокой пробы, но даже в этих случаях невовлеченного. В каком-то смысле можно рассматривать это издание как попытку хоть чем-то заменить так и не состоявшиеся

книги диалогов обо всём на свете, продолжить разговор с собеседником, по которому многие, и я в том числе, очень соскучились за все эти годы. И поглядеть на эту речь разных лет, как широко известную, так и не очень расхожую, под другим углом, продолжая открывать для себя старого знакомого, вглядываясь в этот бесконечный калейдоскоп, снова и снова начинающий сверкать неожиданными сочетаниями ярких красок.

Алексей Коблов

1986

Краткая история «Г.О.»

Первоначально образовалась группа «Посев» – в 1982 году, как дуэт Босса (гитара) и Дохлого Егора (бас-гитара).¹ С 1982 по 84 г. группа не осуществляла альбомных записей (за исключением 4-х инструментальных альбомов в 1982 г.), часто прекращала существование на долгие сроки, и, в сущности, занималась поиском. В 1984 г. группа собралась наконец основательно. К Боссу и ДЕ прибавился новый член – Джон (бас-гитара). Летом 84 г. вышел 1-ый альбом (оригин.) «Посева» – «Всякие картинки» и вслед за ним второй «Дождь в казарме». В этих альбомах Дохлый Егор впервые проявил себя как вокалист. Тексты всех песен написаны были им же. Муз. материал представлял собой смесь Reggae / New Wave / Punk и Heavy Metal. Записи были произведены в домашних условиях. После 2-х первых LP последовали одиночные записи группы, носящие характер jam session. Летом 84 года появилась песня «На наших глазах», получившая впоследствии широчайшую популярность как hit «Граждан-

¹ В текстах и прямой речи Егора Летова сохранена авторская орфография и пунктуация.

ской обороны», но не была включена ни в один альбом «Посева», по нелепым причинам. В июне 84 Possev также записал сингл с песнями «Смерть в казарме» и «Ихние места». Впервые в группе был применён метод overdubbing (наложение муз. дорожек). Группа окончательно укрепилась в составе Босс (эл. гитары, задний вокал), John (bass) и Дохлый Егор (вокал, ударные, бас-гитара). В августе 84 «Посев» произвёл запись 2-х новых альбомов при участии питерского гитариста Алекса, – «Музыка любви» и «Сказки старого юнга». Оба альбома были записаны втроём – Алекс (акуст. гитара, бас), Босс (эл. гитара, бас, зад. вокал), Дохлый Егор (вокал, ударные, басс). В 2-х песнях помогал Джон на бас-гитаре. Alex привнёс в группу большие изменения – если в раннем творчестве «Посева» доминировала импровизационность, то теперь на первое место вышла композиционная отточенность и лаконичность. Также Alex внёс балладные интонации с большой долей психоделии. Группа ещё более свернула в сторону Новой волны и Reggae. В «Музыке любви» впервые появился hit – песня «Я бесполезен», а в «Сказках» супер-хиты «У меня двоится в глазах», «Снаружи всех измерений» – получившие великую популярность в «ГО» и по сути прославившими её. Также в «Сказках» была песня «Возвращение домой», с большим оживлением встреченная друзьями и соратниками группы. Сразу же по окончании «Сказок» Дохлый Егор начал сосредоточенно готовить муз. и текстовый материал для следующего альбома группы. Если

до этого в сочинении песен нередко принимали участие Босс и Алекс, то теперь Дохлый сработал всё в полном одиночестве. В сентябре 84 г. вышел последний и самый лучший альбом группы «Reggae, Punk и Rock'n'Roll». Группа собралась в своём прежнем составе John, Boss и ДЕ. Композиционность и разнообразие стали основной идеей. В альбом вошли песни «Reggae (ты даёшь мне кайф)», «Punk и Rock'n'Roll», «Осенняя песня» (первый сосредоточенный опыт психоделии), «Само собой» (первая проба пера в стиле ska), «Мама, мама...» (superhit как у Посева, так и у ГО) и пр. [В записи участвовал Серёга Домой, как задн. вокалист]. По сути, муз. содержание альбома объясняет его название. Reggae и Punk становятся доминирующей формой. Но группа дошла до полного творческого истощения – поэтически и духовно она достигла всего, что можно было достичь в том составе, в котором она находилась. Распад был неминуем, и он произошёл. Осенью '84 Дохлый Егор начал искать новых музыкантов, стремящихся играть новую музыку, и он нашёл их. Это были – Иван Морг (вокал, бас) и Кузя Уо (гитара) из распавшейся панк-группы «Огненный лазер». В новом составе группа приняла название «ЗАПАДЪ» и осуществила после 5–6 сешенов – мини-альбом «Западъ» – включая песни «Западъ», «Сказочка», «Ночь», «Мокрая газета» и пр. И ДЕ, и Иван Морг работали одинаково плодотворно, но различия взглядов на творчество привели группу к распаду. В ноябре 84 г. Дохлый Егор из остатков «Посева» и «Запада» органи-

зует супергруппу «Гражданская оборона» в составе Босс (гитара, зад. вокал), Кузя Уо (бас-гитара) и Дохлый Егор (вокал, ударные). Группа начала работать над предполагаемым сборником ранних хитов – «The Best of Посев», но после 3-х-4-х записей отказалась от первоначального замысла и занялась самостоятельным творчеством. В ноябре были сочинены и записаны суперхиты – «Зоопарк» (одна из наиболее популярных песен ГО и по сей день), «Кленовый лист», «Я выдуман напрочь». «ГО» заиграли авангардный New Wave (включавший в себя всевозможные стили – «New Romance», «Ska», «Reggae», «Post Punk», «Power Pop» и пр.). Тексты сделали крен в сторону поэзии абсурда. Группа начала усиленно работать, но в январе уходит Босс. «Г.О.» остаётся вдвоём, и продолжает работать, используя принципы overdubbing (Кузя Уо: гитара, бас-гитара, задний вокал; ДЕ – лид. и зад. вокал, гитара, бас, ударные). К «Г.О.» присоединяется вокалист Страшный Курт. В марте 85 г. появляется 1-ый альбом «Г.О.» – «Гражданская оборона (для тех, кто ищет смысл)». В него вошли вещи, и поныне являющиеся основным материалом ГО, – «Зоопарк», «Двоится в глазах», «Не смешно», «Я ненавижу женщин», суперхит Кузи Уо – «Мама бя», песни «Кто ищет смысл», «Лирическое настроение», «Старость – не радость», «Хватит!». Запись разошлась в большом количестве – но упрекали в низком качестве записи (альбом был записан в домашних условиях). Также в марте вышел сборник «История омского панка – том 1» (вкл. записи групп

«Посев», Западъ и Г.О.).

В мае 1985 г. Г.О. записывает альбом с флейтистом Флиртом (из Новосибирской группы «Флирт») – jam session «Семинар», а в июне двойной альбом с флейтистом А. Р. (из Новосибир. группы «Шифер») – «Psychodelia Today». В результате продолжительной работы становится ясно, что Г.О. представляет собой дуэт Кузя Уо (гитара, бас-гитара) и Дохлый Егор (вокал, ударные) + помогающие и гости. В таком составе летом 85 в 2-х-дневный срок Г.О. записывает в студии ДК «Звёздный» свой 1-ый студийный альбом – «Гражданская оборона», включающий в себя почти весь материал из «Г.О. для тех кто ищет смысл» + несколько новых вещей («Я блюю на ваши дела», «Зоопарк II» и пр.). Эта запись и получила широчайшее распространение в городе и за его пределами. После этого группа расходится на продолжительный срок – для сочинения новых песен и отдыха. Кузя Уо принимает участие в записи сольных альбомов Ивана Морга. Дохлый Егор пишет стихи и покупает пластинки.

В ноябре 85 г. группа после очередных Jam Session'ов и домашних записей собирается снова для перезаписи старого материала и работы над новым. После продолжительнейших поисков музыкантов и просто участников, желающих делать что-то СВОЁ, ни на что не похожее – и в рамках движения Punk и New Wave, группа всё же находит вокалистку (без имени) и первоклассного продюсера, и инженера (без имени). С ними в ноябре 85 и была осуществлена запись 2-

х альбомов (которые было решено считать единственно оригинальными) – «Хватит!» и «Блевани!». В «Хватит» полностью вошли старые вещи («Зоопарк», «Поезд на малую землю», «Двоится в глазах», «Я блюю на ваши дела» и пр.), «Блевани!» же явился смесью совершенно нового материала и нескольких старых хитов (не вошедших по времени в «Хватит!»). В него вошла новая версия старого хита Посева – «Я бесполезен» (сочинённая вместе с Алексом во время записи альбома «Г.О. и Alex – Сделайте сами», август 85), «Мама Бля» (запись из ДК «Звёздный»), новые песни «Детский мир», «Гражданская оборона», «Это – не я», «Я иллюзорен со всех сторон» и пр. После записи этих 2-х альбомов группа получает неприятности и расходится на долгий срок. В настоящее время «Гражданская оборона» играет под новым названием, в новом составе – музыканты выступают под новыми именами.

Егор Летов, рукопись, 1986 год

* * *

Привет!

Получил ленты и письмо – ДИКОЕ СПАСИБО!

Ленты ещё не слушал (нету магнитофона, а все знакомые в Питер двинулись разом). Катков – это АБЗАЦЬ! Я его слушал, когда приезжал в мае, у Кирилла. Действитель-

но концепт. Этот альбом имеет большое хождение в Питере. Один мой знакомый коммерсант (сов. гр. записей) привёз её из сего града и очень доволен. Я ему сказал, что это Новосибирские дела, он аж не поверил. Особенно интересно будет послушать Flirt, ведь я вас так и не слышал. Жаль, что нет Путти. Абзац – группа!

А кто такой Башлычёв? Хорошо бы записать Б.О.М.Ж. (я их тоже не слышал) и Радкевича Live в 5ке (общаге, во время фестиваля). Запись где-то у вас ходит. Там, кстати, Путти должно быть 2 песни. Сам Катков, случайно, не из «Калинового моста»?

Почитал недавно подборку статей и интервью из журналов «Рокси» (Питер) и «Ухо» (Москва). Ох и лажа там у них!!! Всё ПРОДАЖНОЕ, ПОПСОВОЕ, КОН'ЕКТУРНОЕ. Даже сами панки, как Свинья или Рыба! Рыба, оказывается из «Кина» ушёл, ибо Цой взял в группу свою бабушку, некую Марианну, и стал все башили делить на троих – Рыбе досталось вместо половины – треть; он посему жестоко обиделся и ушёл играть к Вишне. Свинья воище какую-то лажу гонит, себе противоречит на каждом шагу. Получается какая-то лажа, представь: интеллектual (Свинья) играет в Ивана Говнова и до того заигрывается, что уж и сам не знает, кто он такой – говнов или интеллигент. «Мы интеллигентов бьём, а пролетарии – наш народ». С другой стороны, играть только для того, чтоб над пролетариями издеваться, – чтоб после концерта свинье оные рожу били.

Какая-то херня! Весь в булавках, и т. п. —, но «мы — принципиально не панки, мы — шалопайи и анархисты». Но тут же — его спрашивают — а зачем вы играете и воище? Он — «Чтоб популярным быть и деньги получать». Тут же — мечта — если б можно было, то устроился бы в лен-мосгор-прог концерт, помылся, подстригся и проч. советский имидж, и попс бы гнал за баши, «но анархизм оставил бы». ХЕРНЯ! А в музыке — с'ём 1 в 1 Sex Pistols, ибо «лучшие всё равно не родим». «Sex Pistols» — лучшая группа, но — «лучшая только потому, что хороший manager попался. Попадись другой — они бы пели и играли, как Кобзон» (!) Мне аж тошно стало. А про другие группы и говорить отвратительно — онанизм какой-то. Сплошной откровенный СБЁМ и ПОПС. Мечты все вонючие — вот в люди выйти, популярными стать, официализоваться и воище. А политики и прочего не касаться — ибо «сомнут, из рок-клуба выгонят»(!). Абзац! Только ДК — хорошие ребята. Их там поэтому и матерят чуть ли нецензурно. Что, мол, группа для ПТУшников, группа, постоянно преходящая пределы живой игры (лажания), группа вульгарная и антиинтеллигентная. Одно слово — концептуальная (этот термин аж как ругательство у них там). Одним словом, что-то вроде «Мухомора» (видимо, самая ненавистная группа). Интересно, что ДК познакомились все в крейзе. Кто-то из них в 80 м попал туда и встретил там всех остальных. Забавно. Ребята — интеллектуалы, слушают серьёзные дела. Шариков (лидер) — дикий лю-

битель русского «декаданса» (советский поносный термин). Кстати, скоро должны прибыть новые альбомы ДК – 85 е и 86 е. Интересно. Я кажется, уже писал тебе, что записал «ДМБ'85». 85. Отличный альбом и хорошая запись. Как приеду обязательно привезу. Возможно, что недели через 2 придут новые дела из Питера. Причём некоммерческие. Не знаю. После этих «Рокси» и пр. приходишь к выводу, что кроме ДК, Путти, ГО и прочих негативных элементов у нас и слушать нечего. Не слышал ещё вас. Наверно, хорошо. Похоже, что <на> хорошие дела способны люди, ввиду обстоятельств попавшие и находящиеся в местах, максимально не предназначенных для духовного роста и самовыражения. У меня один друг как-то хорошую вещь сказал: «Если б был закон, запрещающий играть под угрозой смерти – все бы играющие делали бы ПРОБОЙ». Здорово. А в этих местах так всё и получается.

Я собираюсь работать снова. Сочинил новый цикл песен (на 2 альбома). Видимо, имеет смысл писать альбомы по 375 м (1 сторона), получасовые. 500 м – много, 270 (сторона) – мало. 30 минут как раз. Не успеет утомить. Писаться, видимо, можно на любой сов. аппарат, но на 38-й скорости. Для этого нужно лишь вставить насадку на вал. И всё. Качество должно быть довольно сносным, и фона будет меньше. Кстати, я стал приходить к мысли, что распространять свои дела не стоит – просто бессмысленно. Никому (кроме автора) это не нужно (не «нужно позарез»),

все и так проживут в сытости и святости. Никого это не пробьёт, никому не поможет. Всё просто сожрут, переварят и высрут. Надо работать как Хлебников. Он считал, что вещи можно не публиковать и не тиражировать – ибо написанная вещь уже в вечности, а всё остальное – по боку. Публикация вещей (если они действительно не – попс) у нас не окупается. Просто все на тебя закладут (кроме таких же, как ты, одиночек – авторов) и засадят во имя любви к Большому Брату. А так – можно работать, работать для себя и для вечности. Придут друзья – поставить им послушать, или почитать... и всё. Говновым не охота дарить свои беззащитности. Ибо сказано в писании: «Не мечите бисера перед свиньями, дабы не раз'ярились и не набросились на вас». Ещё там же – «Не давайте своё сокровище собакам, дабы не бросили они его в навоз!» Хорошо. Иисус большой был чувак. Хорошо бы с ним поговорить или, ещё лучше, поиграть. Рокер бы был крутой. Не знаю, не любят на этой земле ПОЭТОВ. Здесь любят лишь говновых и уподобившихся оным. Остальные подлежат уничтожению извне или, что чаще и естественней, – самоуничтожению. Так желает бог, Великий Вселенский Садист. Не стоит ему мешать. Но стать говновым – НИКОГДА. И смириться – тоже. Раз херово – так пусть уж до конца, до предела, и самоуничтожение – восклицательный знак в конце. Ах, работать хорошо! Хорошо сочинять новые песни, новые слова, новые стихи:

*О, я блюю на ваши дела!
Я, величайший из крамозлых рокеров,
Изнасилован жа́вым вилым сапогом
Ваших курвенных мироустройств.
Я подпольная ра́ная крыса!
Я, психорабочный гений,
Жат кре́плой доскою кровалого неба,
Навсегда неуслышан задроченным ухом
Суслых детей зернявой сраны
Неспособных двенадцатизэтажно
Блюнуть мозгами в асфальтово алище,
В асфальтовый туск голожаемой жизни.*

Или вот ещё:

*Надо же! —
Солнышко.
Из набитой окурками лампочки
Буду пить оживительный шок.*

Счастья тебе. Пиши!

Р.С. видимо, я приеду в конце августа на субботу/воскресенье.

Д. Егор.

*Письмо Егора Летова Валерию Рожкову из Омска в
Новосибирск 19 мая 1986 года*

Привет!

Ленты вышлет Jeff Иванычу завтра/послезавтра.

Кстати – мы долго думали с Jeffом – чем об’яснить наш провал в Н-ске. Получается довольно много причин, причем весьма существенных. Я считаю, что здесь – налицо полная разница и пропасть в жизненной позиции между нами и публикой Н-ска. Мы живём в иных условиях – нас тут окружает (да и изнутри прёт) глобальное одиночество, и единственный наш выход – это полное ожесточение и цинизм (как взгляд правде в глаза перед угрозой уничтожения в любой момент), сознательное приведение себя в состояние добровольной смерти, тогда как в Н-ске все эти ребята, похоже, воище не страдали никогда и не понимают, что такое боль и одиночество – ибо они всегда были вместе, и у них всегда под рукой куча музыки, стихов, книг и проч. и проч. Для них такой взгляд (наш) на мир – непонятен, страшен, дик наконец. Хорошие это люди, добрые, открытые – но... просто чтобы нас понять, надо в Омске пожить. С другой стороны, вроде довольно ясно – что все наши песни (даже такие, как «Пошли вы все на хуй» и пр.) – по сути – о ЛЮБВИ и СВЕТЕ, про то, как плохо, когда их нет внутри. А такие вещи, как «Вслед за солнцем», «На наших глазах», «Среди зараженного...» прямо об этом. Всё равно реакции никакой. Воз-

можно, сдерживало присутствие женщин. Возможно, виноват сам оргмомент – так считает Джефф. Когда я приехал в Омск, я сначала воище решил не давать зальных выступлений, а потом подумал и решил петь песен 5–7, и, если нет контакта, всё бросать и уходить, либо начать открыто издеваться над публикой. Понимаешь, когда поёшь – отдаешь себя всего – и когда в ответ пустота – холодно душу на сквозняке держать. Что-то вроде того, как если б долго подбирал и готовил подарок, принёс, подарил – а его даже не распечатали (или вообще не заметили). Но с другой стороны – для некоторых это СТРАШНЫЙ подарок, вроде картины Босха. А возможно, и так: наши песни о смерти и пустоте, а смерть/пустота и должны рождать смерть и пустоту. А так и случилось. Но, слава Богу, что не было аплодисментов! Аплодисменты после таких вещей, как «Оптимизм» или «Желтая пресса», – это пощёчина. Тут возможна двоякая реакция – либо хором орать, подпевать, стучать кулаками в пол – либо нам рожу бить, уходить, блевать от нас и воище. Т. е. активное проявление реакции. Странно – а тут – просто тишина. Что играли, что не играли. Во всяком случае, полезно на будущее. Теперь уж будем готовы к такой реакции. Нас сейчас приглашают на серию концертов в какой-то г. Благовещенск, или что-то вроде этого. Не знаю, не знаю. Надо искать свою публику. Скорее всего, это – молодёжь, живая и озлобленная. Может, это – «путтиловцы», кто знает... Думаю, в Н-ске нам играть заказано –

народ ещё долго будет блевать при воспоминаниях о нас. Но опять же непонятно – ведь когда или – знали – кого или слушать?! Странные дела.

О поездке в Н-ск, мы написали новую песню – «Мы – лёд».

Привет всем.

Пиши.

*Письмо Егора Летова Валерию Рожкову из Омска в
Новосибирск, 24 ноября 1986 года*

*** * ***

Речь в письме идёт об акустическом квартирном концерте Егора Летова, Евгения «Jeff’a» Филатова и Александра Рожкова на квартире Александра Рожкова в Академгородке Новосибирска 7 ноября 1986 года, который Летов впоследствии назвал «Песни в пустоту». 32 года спустя, в 2018 году эта запись была выпущена на CD издательством «Выргород», к этому изданию Наталья Чумакова написала сопроводительный текст:

«“Гражданскую Оборону” Егор и Кузьма (Константин Рябинов) основали осенью 1984 года, но выступить группа так ни разу и не успела: из-за заведенного в КГБ дела Кузьму в срочном порядке призвали в армию, Егора отправили в психбольницу, а все соратники в ужасе разбежались кто куда. Выйдя из психушки, Егор, ещё не будучи коротко зна-

ком с братьями Лищенко (с которыми они в 1987 году оглушающе выступили на I Новосибирском рок-фестивале), искал людей, с которыми можно было бы продолжать какие-то совместные действия, и в этот момент к нему присоединился Jeff – Евгений Филатов. С ним они даже сумели записать первый вариант “Красного альбома”, который Егор впоследствии назвал “курёзом” из-за безобразного качества исполнения.

В Новосибирске у Егора был старинный друг Иваныч – Александр Рожков, математик и флейтист. В своей квартире в поселке Матвеевка, что между Новосибирском и Академгородком, он начал устраивать сейшены. Собиралась там исключительно “элита” местного андеграундного рока. И сама собой пришла идея пригласить туда выступить никому тогда абсолютно не известного омского музыканта Егора Летова, послушать которого и пришел тот самый бомонд в количестве примерно четырнадцати человек. Праздничной атмосфере должна была как бы способствовать дата 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Скорее всего, эти люди – а был там и Дмитрий Селиванов, и музыканты группы “БОМЖ”, и прочие много о себе понимающие граждане – даже не поняли и не смогли уразуметь, что они там слышали и как на это реагировать. Я думаю, что именно тогда, после этого первого выступления под именем “Гражданская Оборона”, да и вообще первого исполнения

своих песен перед посторонними, Егор полностью изменил свое отношение к публике. Теперь только агрессия и эпатаж. Запись далась Иванычу сложно – он был вынужден не только подыгрывать группе, но и следить за магнитофоном, который не удалось надежно установить. Поэтому аппарат время от времени кто-то отключал, задевая, и некоторые куски концерта попросту выпали. Затем, уже по приезду в Омск, Егор и Jeff дописали туда свеженаписанные под впечатлением от произошедшего песни, а также “Речи и рассуждения” (так Егор определил этот монолог при оцифровке в 2005-м). Несмотря на то что почти никто об этом и не подозревал, запись сохранилась полностью и действительно образовала отнюдь не мифический альбом “Песни в пустоту”. Я решила ничего не изменять в нём, не выбрасывать песни, пострадавшие от остановок магнитофона, и не сокращать длинные паузы – пусть всё останется так, как это отпечаталось на плёнке».

*Наталья Чумакова,
26 сентября 2018 года*

От себя добавлю: недавно, уже осенью 2021 года, мне неожиданно позвонил из Омска тот самый Jeff, Евгений Филатов. Лично мы не были знакомы и никогда ранее не общались, хотя, конечно, были наслышаны друг о друге все эти годы. Он увидел мою книгу о Егоре и сам захотел пообщаться. Он по-прежнему называет Егора «Леточкой», вспоминает те времена тепло, но с иронией, и так же, как и Егор в этом старом письме

Рожкову, повторяет: мол, в Омске надо пожить, чтобы многое понять.

1987

Панки в своём кругу (застольные беседы в трёх частях)

В числе собеседников:

О. Собистов (Роман Неумоев)

Хан Кага-бей (Егор Летов)

Барон Лю Бер (Артур Струков)

Израэль Иудович Гершензон (Шапа)

Записал: С. Еливанов

Роман (далее просто Р.): **Пьёшь ли ты вино? И если пьёшь, то в каких количествах?**

Егор (далее Е.): Пью в количествах для кайфу. Но никогда не перепиваю.

Артур (далее А.): **Не припеваючи** (*шутит*).

Е.: Чтобы не блевать.

Р.: **Понятно, но сейчас вина нет, так что будем пить чай.**

А.: **ЧАЙФ** (*знай, мол, наших*).

Разливают чай.

Шапа (далее Ш.): – **Шапе-то** (*очень по-митьковски*).

Ищут сахар, находят с трудом (к большой досаде Романа).

А.: Вон сахар-то.

Р.: (с легким раздражением и как бы в шутку) – Ну, панки-то могли бы и без сахара.

Ш.: (умильно) – Сахар!

А.: С сахарком-то оно слаще!

Ш.: (оттягиваясь) – Бля, сахар!

Р.: А вообще как у вас в Омске с вином?

Е.: С вином у нас нормально, в два часа можно взять водочку, пиво свободно.

А.: Надо приехать.

Ш.: А пиво в бутылках? (одним судьба – карамелька, а другим судьба – одни муки...)

Е.: Пиво разливное и бутылочное есть.

Ш.: Ну, разливное и у нас есть, только за ним стоять надо.

Е.: Разливное у нас в каждом ларьке свободно (добил-таки).

Ш.: (с надрывом) – Ну почему я там не живу!!!

Е.: Другой вопрос – финансы. А как деньги есть – пожалуйста. Почитается пиво.

Р.: А как тусовка?

Е.: Плохая.

Р.: И в Омске единственная.

Е.: Не совсем, есть ещё художники-модернисты. Клёвый

авангард рисуют. А тусовка наша человек 10–15, как у ИНСТРУКЦИИ, поменьше, может быть... Она включает в себя в основном музыкантов. То есть нас получается группировка ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ – человек семь, составы варьируются, в зависимости от того, кто тексты пишет, кто лидер. У нас Эжен есть, так он когда пишет тексты, я на ударных сижу, и всё это играется в панк-роке – группа называется АДЛЬФ ГИТЛЕР. Когда я сижу за ударными и басом, а играют песни в идиотском акустическом духе, тогда это называется ПИК ЭНД КЛАКСОН, кстати, очень клёвая группа; когда я пишу свои песни, тогда это называется ГО. Если играет некий Сергеич (Сергеич, Петрович... – наводит на мысли о параллельном развитии и множественности миров), я и ещё вокалист, да плюс Маднесс – барабанщик ПУТТИ, плюс ещё компашка – это называется КОМКОН-2.

Р.: А почему барабанщик ПУТТИ, это ведь новосибирская группа?

Е.: Потому, что он служит в Омске. И если этот Маднесс поёт свои тексты, играем мы всей тусовкой – это называется группой КАЙФ. Ну и группы всякой попсы, всяких металлистов, с которыми мы отношений никаких не поддерживаем.

А.: А у вас нет напрягов насчёт авторства, когда каждый хочет пропихнуть своё?

Е.: Нет. Кто хочет, тот своё и поёт. Потому у нас и групп много.

А.: Поёт-то поёт, но ему рады подыгрывать?

Е.: Да, разумеется. Тусовка-то одна, все вместе играют.

А.: Вот оно.

Р.: (*вторит*) – Вот оно, просветление-то... Прихлебнув чаю, задаю я тебе каверзный вопрос.

Е.: Давай.

Р.: Твоё отношение к власти?

Е.: Весьма плохое.

Р.: Почему?

Е.: Потому, что всё, что я делаю, – это борьба с тоталитаризмом во всех его проявлениях. А власть представляет собой самое худшее проявление государственности, стало быть, тоталитаризма, стало быть, фашизма, если говорить конкретно. А я очень ярый антифашист. И поэтому я считаю, что весь панк, вообще все, что я смогу сделать своими песнями, – давать отпор тоталитаризму.

Р.: А что ты стремишься разрушить?

Е.: Любой тоталитаризм, как в мышлении, так и в отношении каких-то человеческих связей, тем более в государственных отношениях, из которых состоит весь цивилизованный Вавилон.

Р.: А панк-рок воспринимаешь только как музыкальное средство выражения?

Е.: Не только музыкальное, но и текстовое тоже.

Р.: ...или в музыке тоже проповедуешь анархизм, т. е. сокрушение?

Е.: У меня к музыке несколько иное отношение. У меня

как-то изначально заложено то, что песня должна быть хитом. То есть песня должна работать многочисленно, многократно. Я исхожу из того, что на Западе делает РАМОНЕЗ или КЛЭШ там, или ПИСТОЛЗ – то есть первая волна панка, не ЭКСПЛОЙТЕД там, а первые панкеры. Должна быть очень клёвая песня, простая и очень запоминающаяся, жёсткая такая... Она, стало быть, должна быть хитом, т. е. у неё должен быть некий хук, который будет цеплять, и при этом песня должна в башке крутиться, запоминаться и действовать много раз. Я песни сочиняю таким образом: если я её запоминаю, она у меня в башке начинает крутиться, я её играю день, два, пять, двадцать раз, и каждый раз получаю кайф – значит песня клёвая; если через три дня песня просто надоедает, я её больше не пою, поэтому у меня песни жёсткие, примитивные и в то же время мелодичные.

А.: В песне сначала музыка или текст?

Е.: А как-то одновременно получается, что первична даже не музыка, а какая-то ритмическая структура, скажем так. Необходима некая цепляющая фраза: «Своё говно не пахнет» или «Мы в глубокой жопе», относительно которых всё уже развивается, разворачивается. Главное – поймать некий момент, а дальше всё идёт само собой...

А.: О'кей.

Ш.: Своё говно не пахнет.

Е.: У меня каждая песня – это всего одна фраза, которая обыгрывается так или иначе. Поэтому у меня все песни та-

кие: «Пошли вы все...» или же «Мы в глубокой жопе»...

Р.: А ты веришь в демократию? То есть вообще она возможна?

Е.: Нет, честно говоря, не верю.

Р.: Допустим, тоталитаризм сокрушён. А ради чего?

Е.: О, не верю!

Р.: Может, ради того, чтобы была демократия?

Е.: Вот такой вопрос задаёшь, значит. Как тебе сказать...

Я – анархист в таком плане, что она возможна у битников, что ли... Сокрушить власть нельзя, потому что в самом человеческом сознании тоталитаризм заложен совершенно чётко. Поэтому игра заранее проиграна. У Галича есть совершенно клёвая песня, про то, как с зоны ээки бегут, их убивают одного за другим... кончается, что их, вроде, всех убили. И он просто говорит белым стихом: «Всё равно, даже если бы ни один не добежал, всё равно бежать стоило, всё равно надо было». Игра заранее проиграна, это я знаю, ничего не удастся сделать, но тем не менее... Есть такая притча Николая Волкова, диссидента такого. Были некие люди, каким образом попали они в сундук, непонятно, но попали они в сундук и жили там год за годом. Жили, забыли, что за сундуком делается, сажали картошку. А так как сундук был закрытым, потому что его нечистая сила закрыла на замок, там не было свежего воздуха, света – было темно, сыро, душно. Но они привыкли, им казалось, что всё нормально. Росли они рахитами, слабыми, с бледными лицами. Но дужка замка од-

нажды заржавела и сломалась. Поток свежего воздуха зашёл в сундук, ну и люди там обалдели, смотрят: такой свет, такой воздух, сначала подумали, что задыхаются, а самые любопытные полезли к крышке, стали выглядывать. А нечистая сила стала опять крышку закрывать, а люди то локоть, то голову на край кладут. Крышкой эти локти-то прищемит или оторвёт совсем. Но за счёт того, что кто-то голову постоянно кладёт, крышка не закрывается, поэтому хоть слабый, но какой-то поток свежего воздуха в сундук идёт. Вот такая ситуация. Я считаю вот что: то, что у нас делают рокеры или панки, – это вот то самое и есть.

А.: А больше невозможно?

Е.: Нет!

Р.: То есть то, что можно сделать, – это глоток чистой воды время от времени?

Е.: Отчасти так, а во-вторых, всё это делается изначально для себя. Я считаю, что каждый человек по своей сути изначально одинок; поэтому всё, что он делает, – он делает для себя. К тому же анархия торжествует, если это внутренняя анархия. Если человек добивается внутренней свободы, именно внутренней анархии, – это победа. И каждый раз какая-нибудь песня группы ЧАЙФ, про кота, например, – это победа в глобальном масштабе, глобальная победа над системой! У Аксёнова такой рассказ был про гроссмейстера, читали, может быть (получив утвердительный ответ, продолжает). Едет гроссмейстер в поезде, играет с каким-то любе-

ром, с урлаком. Гроссмейстер ему мат поставил, а тот не заметил и играет дальше. Этому гроссмейстеру неудобно напоминать, что тому мат давно, и он дальше играет. Потом ему надоело, и он сдался, а любер говорит: «Гроссмейстер с грустным видом, потому что каждый день приходится партии такие играть, открыл чемодан, в которой лежат медали «ПОБЕДИВШЕМУ МЕНЯ», и повесил на грудь этому люберу. Такая же ситуация и в жизни.

Р.: Короче, демократии быть не может?

Е.: В глобальном масштабе нет. Тоталитаризм заложен в сознании человека изначально, и мудака убедить в том, что он мудака, невозможно. Есть такая буддийская пословица: «Можно привести коня к водопою, но нельзя заставить его глотнуть». Поэтому каждый глотает сам. А поскольку человечество существует уже 4000 лет, это доказывает, что как был фашизм, так он и остаётся, пока были Христы, так они и остаются.

Р.: Всё ясно... Шапа, может, ты вопросик задашь, может, тебя что-то интересует?

Ш.: Кхе-кхе... Дак, ёксель-моксель *(на самом деле он сказал совсем другое).*

(Шапа начинает стучать по столу и всем своим видом выражает готовность немедленно задать вопрос. Поднимается страшная суматоха, ведутся крупномасштабные приготовления к процессу задания вопросов Шапой.)

А.: Не стучи.

Р.: Уровень скачет.

Ш.: Уровень, уровень-то скачет... Тут вот б...ь все... Веришь ли ты в любовь? (*Неземным ангельским голосом.*)

Р.: Каверзный вопрос.

Е.: Экий вопрос. А что ты под любовью понимаешь? Я вообще-то человек верующий, честно говоря.

Р.: В Бога?

Е.: Да. Причём в Бога как в воплощение любви. Бог не какой-то выше крыши сидит там дядя такой и всеми правит, а Бог согласно буддийской философии. Есть любовь не кого-то за что-то, а любить как дышать, как жить. Только в условиях нашей жизни как-то всё не то получается, а это в общем-то даже и нельзя. Это исключает возможность быть рокером, потому что для меня рокер – это человек, который живёт среди всех и переживает за других и за ситуацию в мире.

Р.: Да, но если исповедовать личную любовь, то придётся переживать за кого-то одного, так что на других у тебя просто времени не остаётся.

Е.: Вот поэтому у меня нет бабы, которая рядом со мной.

Р.: Ну, понятно.

Е.: Я вообще, в принципе, не могу представить, что я бы всю любовь вместил в какого-то одного человека. И если глобально подходить, я зверей люблю больше, чем людей, а ещё больше деревья.

Р.: Да...

Е.: А вообще, если рока коснуться, то для меня такое понятие, как сопереживание, – вообще главное среди человеческих сопереживаний – вообще главное. То есть рокер и вообще человек, который не способен сопереживать, когда другому плохо, – это не рокер, а значит, и не человек.

А.: Гопник...

Е.: Гопник, любер... Настоящий рок идёт от сопереживания.

А.: Но ведь гопниками не рождаются.

Е.: Рождаются.

А.: Думаешь?

Е.: Да, рождаются.

А.: Я считаю, что как раз в чём-то мы, рокеры, можем сделать так, чтобы, если так можно сказать, подрастающее поколение не было гопниками.

Е.: На собственном опыте научить, но не больше.

А.: (полусерьёзно) – То есть обращать в рокеры.

Р.: Нет. На собственном опыте, я считаю, научить никого невозможно.

Е.: Это – единственный способ. Я думаю, что можно. Это вот Ник Рок-н-ролл занимается тем, что на сцене себе хакири устраивает. Я вот просто посмотрел, как он в Питере сейшн давал: он сидит, себя полосует... Он кровью исходит, кровью... Короче, настоящий рок. Там сидят какие-то мажорные герлы, так для них это страшный шок. Чёрт его зна-

ет, что там с ним случится, в какую сторону они повернут, но шок страшный, а рок – он должен шокировать, это панк, это всегда эпатаж. Эпатаж именно на самом себе.

Р.: Понятно.

Ш.: (с явным скептицизмом) – На себе?

Р.: А иначе не поверят?

Е.: Не то что не поверят. Хотят – поверят, хотят – не поверят. У каждого свои заморочки, каждый решает сам, куда ему идти. Просто, всё, что человек делает, других ставит в некую возможность выбора, в какую сторону идти, и некую возможность сравнивать между самим собой и, допустим, тобой, когда ты на сцене стоишь и поёшь. А для меня рок, это я в твоих статьях читал (*имеется в виду Роман*), – это нечто индивидуальное, то есть человек сколько может быть самим собой, столько он и является самим собой, причём вплоть до какого-то самоуничтожения практически. Постоянно доводить себя до состояния нуля, когда уже и терять-то нечего, как у экзистенциалистов, что ли. У тебя есть экзистенция эмпирическая. То есть твой опыт, который ты получил, имел в чистом виде.

А.: Как киники, что ли?

Е.: Да не знаю даже. Я о кинизме представления не имею.

Р.: Понятно, у тебя такая позиция, что в общем-то ты с искусством дела не имеешь.

Е.: С искусством как с эстетикой?

Р.: С роком, я имею в виду.

Е.: Нет, не имею: рок – это не искусство.

Р.: Всё ясно.

Часть 2

Е.: Искусство – это попс.

А.: (с интонацией несогласия) – Хм-м-м. Рок – это воздействие, а искусство – тоже воздействие.

Е.: Ну, если искусство как эстетика, как нечто художественное. Рок – это нечто совсем другое. Рок – это что-то, связанное с религиозными делами.

Р.: Принцип шаманства.

Е.: Во-во. Панк-рок – это шаманство в чистом виде.

А.: Хорошо, тогда рок – это идея, а музыка – средство воплощения этой идеи.

Е.: Да, рок – это вообще, по-моему, не музыка, в этом смысле. А квинтэссенция рока – это панк-рок.

Р.: А всё остальное – это средство эту идею доказать? Или провести?

Е.: То есть чисто звуковые дела?

А.: Конечно.

Е.: Это можно в принципе и без музыки. Панк не значит: или рок, или...

А.: Можно просто превратиться в оратора, а точнее в оракула.

Е.: Рок – это не значит говорить. Ты можешь картину на-

рисовать – это тоже будет рок.

А.: В любом случае ты стараешься делать какие-то аккорды, чтобы ими твёрже доказать, убедить.

Е.: МУХОМОР, допустим, даже не записывает ничего. Они акции устраивают на улицах, типа «Расстрел».

А.: А что за МУХОМОР?

Е.: Ты что, МУХОМОР – это самая что ни на есть панк-группа, панк-концептуализм... Москва, с 1976-го года. Первая акция – «Расстрел», акция «Раскопки» – это тоже они. Пионеры панка, вообще. Они взяли Свена Гундлаха – это такой у них чувак – и закопали в землю по-настоящему. Вырыли ему землянку метра полтора под землю и закопали его. Выдали ему фонарик и листок бумаги, чтобы он свои впечатления записывал, как он там под землёй себя чувствует, и вышли на дорогу, и кричат: «Товарищи! Собираемся на акцию «раскопки»». И пошли они Свена раскапывать. Оказалось, что они забыли, где копали, и стали везде тыкаться по этому пустырю, еле-еле раскопали его часа через три. Он там уже задыхаться начал, но живой оказался, они ему какое-то искусственное дыхание сделали, а у него крейза поехала, он закричал и побежал, вот такая акция. Другая акция называется «Расстрел». На улице Горького собирается народ. Они кричат: «Товарищи, приглашаем вас на акцию «Расстрел»», и ведут толпу в кусты. Там Свен стоит к стене прикованный. Они – два брата Мироненко и Звездочётов – берут игрушечные ружья, пистолет и в него «тах-тах». Свен падает, у него

кровища из рта. Они берут его за ноги и по улице волочат, а он весь окровавленный и башкой об асфальт. Такие вот ребята. Это панк-рок. Или они, как метро с утра открылось, сели в первый поезд и решили как можно дольше держаться. Выдержали до десяти часов вечера, больше не смогли, потому что под землёй давление высокое, короче, вынесло их на поверхность, и такой на них депресняк накатил...

А.: Нет, это слишком абстрактно.

Е.: Абстрактно, не абстрактно, а вот такие ребята. Они весь панк у нас создали, альбом свой записали. Играть не на чем, только стихи читали, песни орали. Из МУХОМОРА вышел ДК московский. Они – учителя ДК и практически всего панка у нас в Союзе. Ну, митьки, я считаю, – это некое проявление панка, русского панка.

Р.: Как ты умудрился записать семь альбомов? И почему я узнал о «Гражданской Обороне» только в 87-м году, хотя их уже было к тому времени семь штук?

Е.: Нет, к тому времени их было всего две штуки. Когда ты их узнал, они только что были записаны, остальные пять, я их записал за месяц пять альбомов. Один – на дому. Все пять альбомов писаны одним мной. Один альбом – «Некрофилия» – записан всего за два дня.

Артур смеётся, а Ромыч с чрезвычайно серьёзным видом говорит: «Понятно, понятно».

Е.: Возможно, это так. Появилась в 1982 г. группа «ПОСЕВ» по имени издательства «Посев». Начали мы играть,

тогда я ещё хиппи, но почему-то, как только мы взяли гитары, сразу в панк полезли. Непонятно, каким образом, как только начали играть, только драйв покатил, сразу СЕКС ПИСТОЛЗ какой-то получился, совершенно произвольно, причём даже у ребят, которые ничего подобного не слышали. Сразу в панк полезли.

А.: Можно перебить?

Е.: Конечно.

А.: Когда Коля слушал ГрОб, он плевался, кричал, что это волосатый интеллектуализм. Когда я доказывал ему, что в любом случае это панк и что плохого в том, что бывший хиппи перекинулся на панк. Он говорил: «Так они перекинулись, а мы уже десять лет панкуем, а они в то время ходили “Лав, лав, лав энд пис”».

Е.: Я считаю, что хиппизм и панкизм – это одно и то же. Панк – это агрессивный хиппизм, очень агрессивный, именно социальный хиппизм.

Р.: Панк – это хиппизм действия.

Е.: Да, это хиппи. Это Игги Поп, ЭМ СИ ФАЙВ.

Р.: Так всё-таки, как там у вас... Ты начал, тебя перебили.

Е.: Вот начали мы такой панк-рок играть, записали тогда пять альбомов, где они сейчас – неизвестно. Самый известный альбом – это «Регги-Панк-и-Рок-н-ролл», был такой альбом – «Сказки старого юнга», совершенно дебилский, был панковский альбом «Музыка любви».

А.: А название хипповское.

Е.: А потом у нас в группе начался развал, депресняк какой-то покатил. Вроде бы как мы уже вместе ничего сыграть не могли, в мае гитарист как-то ушёл, потом оказалось он в ГБ на нас донёс... И мы решили собрать новую группу. В Омске была группа, в которой лидером был некий Иван Морг, панковская группа. Они как раз распались по причине того, что их всех посажали, кроме Морга. Мы собрали новую группу, называлась она ЗАПАДЪ, с твёрдым знаком на конце, а так в группе было два лидера, мы не ладили очень сильно, потому что я хотел играть своё, то, что аналогов не имеет, а Морг хотел играть Заппу, снимать его один к одному, то есть копировать музыку. Мы друг друга послали и разошлись. Иван Морг собрал группу ИВАН МОРГ И МЕРТВЯКИ, довольно известная банда, а мы собрали группу ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА и сразу же стали писаться.

Р.: Это в каком году было?

Е.: Это был конец 84-го – начало 85-го. Записали мы первый альбом в декабре, и даже не помню, как он назывался. Это была история омского панка ТОМ I. Первый – это сборный, а второй – ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА. Но мы сейчас от них отказываемся, они как бутлеги ходят, потому что там все песни повторяются. И в ноябре мы записали действительно свои первые альбомы, ноябрь 1985-го. Первый – «Поганая молодёжь», а второй – «Оптимизм». Но по качеству они мне не понравились – не то чтобы плохо, а просто бы-

ла очень большая усталость, и записались без драйва. После этого я попал в крейзу на три месяца. ГБ очень сильно стала трясти. Гитариста – в армию, а с остальных взяли подписку, что они не будут иметь со мной дело, под угрозой, что их на три года посадят. В подписке было указано, что они не будут играть в группе и заниматься антисоветской деятельностью, говорить со мной антисоветские разговоры – так было указано в формулировке.

А.: Они расписку дали?

Е.: Да. В марте 1986-го я вышел из крейзы и решил, что надо продолжать. Никто со мной играть не хотел, я ещё ПИК ЭНД КЛАКСОН не знал и вообще никого не знал.

Р.: А те, кто с тобой, после подписки не играли?

Е.: Больше со мной так и не контактировали. Очень много дерьма вышло, их запугали. Они подписались в том, что было и чего не было, в общем-то залажали всю нашу компанию.

Р.: Испугались.

Е.: Да, а после этого им уже как-то самим неловко было.

А.: Ты после крейзы вышел ещё более?

Е.: Ещё более после крейзы. Вот решил я записать альбом, летом 1986-го: «Красный альбом». Мне не дали. То есть человека, который мне принес аппаратуру на дом, взяли в ГБ и пригрозили тем, что если он не заберет у меня аппаратуру, то у него будут неприятности с работой, с женой, с детьми и т. п. Он пришёл, у меня всю аппаратуру забрал, извинился и ушёл. Потом про нас появилась статья в мест-

ной газете, которая называлась «Под чужим голосом» <«С чужого голоса». — *Ред.*>, поносная статья. Это было в конце мая 1986-го. Статья обошла весь Омск, после чего появился очень нездоровый ажиотаж. Меня поставили в статье как фашиста-диссидента какого-то, дебила совершенного. Причём именно как фашиста. Про нас стали ходить слухи, что свастики на домах рисуем, огромные, вызывают бригады маляров, которые эти свастики закрашивают, то есть бред пошёл. Тут я познакомился с одним человеком, у него была студия своя, подпольная. И он предложил нам свои услуги. Мы с ним поговорили, во многих вопросах сошлись. И записали в 1986 году совместно «Красный альбом» в акустическом варианте. Этот альбом был и в Питере, и в Москве. С очень хорошим качеством, как на пластинке, впервые за всё время. Звучок типа АКВАРИУМА: бонги, губная гармошка, бас, акустическая гитара. Но мне он вообще-то не понравился. И как раз мы познакомились с этой группой ПИК ЭНД КЛАК-СОН. Они меня пригласили в качестве продюсера и басиста на запись их альбома «Лечебница». Мы с ними записались, оказалось, что это по кайфу, и мы стали сотрудничать. Зимой они записали альбом «С Новым годом», декабрь 1986 года. Мне нужна была аппаратура, нужны были музыканты. Мы очень много записывали в домашних условиях, но качество не получалось, и мы решили, что надо покупать всё своё. Мы купили ударную установку, всякие там микшеры, микрофоны. У нас электронщик был свой в группе. В мар-

те 1987-го ребята записали с довольно высоким качеством альбом «Лишние звуки», тоже имеет распространение большое, там «Саботаж» – песня известная. После был записан «Адольф Гитлер», затем аппаратуру я свёз к себе домой и в течение месяца (записал) свои пять альбомов, все песни, которые накопились за это время.

А.: В одиночку?

Е.: В одиночку. То есть накладывал все инструменты сам. Просто чтобы не разучивать партии, не канителиться. И собираюсь записать первые два альбома по-новому, и они будут распространяться наравне со всеми.

А.: А остальные пять альбомов как называются?

Е.: По-новому я записал в электрическом варианте «Красный альбом», альбом «Хорошо!», альбомы «Тоталитаризм», «Мышеловка» и последний – «Некрофилия». Перед записью этого альбома мы съездили на рок-фестиваль в Новосибирск и там отыграли программу «Адольф Гитлер» плюс несколько моих старых песен как «Гражданскую Оборону». Сейчас всё это ходит как зальник и называется «ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА ЖИВЬЁМ, новосибирский фестиваль». Шесть альбомов получилось, плюс два ранних.

Р.: Понятно. А что это за история с венком начальнику ГБ?

Е.: Это я не знаю, первый раз такое слышу. Какой венок начальнику ГБ?

Р.: Не покупали?

Е.: Нет.

Р.: Нам Вульфсон рассказывал.

Е.: Не было никаких венков.

Ш.: Вульфсон нам так и сказал, что вы купили венки начальнику ГБ и послали, так и сказал.

(Перед глазами встает Шапа, по-митьковски разводящий руками и с выражением недоумения на лице: вот ведь Вульфсон сказал, а тут на тебе!)

Е.: Нет, всё это лажа. Просто у нас одного майора, Мешкова Владимира Васильевича, сняли за что-то. Мы хотели сделать акцию: прийти домой, принести ему цветочков, яблочков, как больному, и так далее, тортик ему купить, а потом решили, что это дорого будет – торт покупать.

А.: Какие ты видишь перспективы, ближайшие для твоей группы?

Е.: Приеду, запишу новый альбом. Сейчас я набрал новый состав. Янка вот сочиняет тексты и играет на басы и на гитаре, на басы довольно хорошо, что удивительно.

А.: И тексты сочиняет?

Е.: Да, и тексты сочиняет. Она сейчас в Питере осталась, на НОЛЬ хотела сходить.

А.: Передавай ей привет от ИНСТРУКЦИИ.

Е.: Вообще-то баба-панк, к хиппизму отношения не имеет, чистый панк агрессивный. Причем ужасно любит панк-рок, только его и слушает, и вообще тащится.

А.: Я очень рад, наша баба.

Е.: И барабанщик у меня появился новый – Манагер. Он, кстати, менеджер нашей группы, так что мы втроем играть будем.

А.: А насчёт сейшенов есть перспектива?

Е.: Перспектива есть. Съездить в Москву нас приглашают, съездить в Питер к Фирсову. Запишем альбом, а там уж видно будет. Сейчас самое главное – альбом записать. Называется «Красный смех». А потом поедem – приглашают в Харьков, вообще думаем по стране проехаться, дать просраться, да и обратно. В Свердловске выступим тоже.

А.: В Свердловске когда намечается? *(Имеется в виду панк-фестиваль.)*

Е.: В декабре намечается.

(Долгое молчание, наконец Ромыч не выдерживает.)

Р.: Плёнка тратится *(все смеются).*

А.: Я знаю! *(Подкалывая Ромыча.)*

Р.: Потрепаться мы можем и так *(вмиг посуровевший).*

Е.: Но мы больше студийно играем.

Р.: А какие у тебя отношения с Ленинградом?

Е.: Вообще-то хорошие, внешне, во всяком случае, вполне нормальные, но контакта в общем-то... Вообще просто замечаю: мне с сибиряками лучше, это во-первых, а во-вторых, сибирский рок круче московского и питерского раз в пятьсот.

Р.: А что ты имеешь в виду?

Е.: У нас в Сибири панк – это настоящий панк, все дви-

жения исходят из идеи, а не атрибутки, как в Москве и в Питере.

Р.: Ну почему? А СВИНЬЯ?

Е.: Нет, это вообще не панк.

А.: Ну как так?

Р.: Почему ты считаешь, что он идёт не от идеи? Не от идеи Рикошет идёт.

Е.: Он идёт именно не от идеи, которая в панке заложена. Панк – это движение по своей сути социальное, чего в Свиные никогда не было. Свинья – какой-то пофигист и хулиган, причем который прикалывается на самых низкопробных делах, как говно, например. Вообще, весь панк в Союзе превратился в урлацкий какой-то. Набор атрибутки абсолютно гопницкой, урлацкой! То есть он прикалывается не на том, на чём надо.

А.: Больше на имидже?

Е.: Да, и не только на имидже, а на каких-то делах, которые к панку никогда никакого отношения не имели.

Р.: Дело в том, что панк-рок – изначально шпанский рок...

Часть 3

Е.: Нет!

Р.: Ну а какой же он? Рок борцов, что ли?

Е.: Конечно.

Ш.: Изначально это Патти Смит.

Е.: Изначально это были всякие интеллектуалы.

А.: Здесь просто два течения. Ты ещё в нашу первую встречу сказал, что панк ты считаешь самым интеллектуальным течением. То есть для тебя панк интеллектуален, а Ромыч считает панк изначально шпанским.

Е.: Нет, это не шпанский, ты что?

Р.: Я считаю, что панк – это философия агрессивной шпаны.

А.: Да у шпаны вообще мысли нет.

Е.: У шпаны мыслей нет. Философия агрессивной шпаны – это любера. Это – животные дела. А панки – это люди, которые всеми другими делами переболели и пришли к примитивизму уже сознательным путём. Вот это панк. Потому КЛЭШ – очень интеллектуальная группа.

Р.: То есть ты не разделяешь такой теории, что панки – это люди, которые желают выразиться, но так как не умеют ни на чём играть или играют плохо, от избытка энергии хватают гитары, и у них получается такая энергия, но тупая музыка.

Е.: Нет, я так не считаю.

Р.: Ты считаешь, что панки – это те, кто прошёл всю музыку...

Ш.: Да не обязательно всю музыку.

Р.: Ну хорошо – выбрали для себя.

Е.: Панк – это энергия, агрессия, но в то же время, это очень умная агрессия, а не металл, не урла. Панк – это движение очень умное, это концептуализм. Панк – это концептуализм, а концептуализм – свойство очень умных людей, интеллектуалов, по меньшей мере. Причём интеллектуалов – именно антиэстетов. Это совсем не значит, кстати говоря, что быть интеллектуалом – значит быть образованным. Надо, чтобы человек был действительно умным. Я видел людей, настоящих панков в интеллектуальном смысле, которым по семнадцать лет. Дима из ПОП-МЕХАНИКИ – шоумен – это от возраста не зависит. Во всяком случае, я беру тех же самых СТРЕНГЛЕРЗ, такую песню, как «Но Мо Хероуз», может написать только умный человек. Там сама музыка очень умно сделана. СЕКС ПИСТОЛЗ... Джонни Роттен – п...здец... Я разговаривал с одним хиппом, он сравнивает ЭКСПЛОЙТЕД и СЕКС ПИСТОЛС. У последних видно, что они – интеллектуалы в высшем смысле, умная музыка, они умно играют, умно поют. Поэтому урла и всякие металлисты панк не понимают, ненавидят страшно, они разобрать даже не могут, что это такое. Там очень много второго дна, третьего дна.

А.: Гопоту вообще всегда бесит интеллектуализм.

Е.: А панк – это движение интеллектуальное.

А.: У гопоты это вызывает комплекс неполноценности, поэтому они к панку в большинстве случаев так и относятся. В лучшем случае они могут принять толь-

ко саму энергию, драйв.

Е.: Вообще нужно быть очень сложным человеком, чтобы принять примитивизм.

А.: Меня всегда это убивало и удивляло: нужно много ума, чтобы делать такие простые штуки.

Е.: Одна из самых интеллектуальных групп – это ТОЙЯ (Тойя Уилкоккс – это панк-певица, а не группа; надо бы это знать господам панкам. – *Прим. ред.*), у неё песня на одном аккорде есть. Вообще панк изначально ориентирован на авангард. А чтобы идти в сторону авангарда, надо быть очень не дураком. У меня есть знакомые ребята из Ижевска – панки. Ребятам лет по 16–17, живут, в общем-то, как урла, бухают. Ребята, которые слушают Штокхаузена, Софию Губайдулину, и в то же время один из них, когда я пришёл к нему домой, сидит Платона читает и говорит: «Во чувак пишет!» Понимаешь?

Р.: *(без всякой позы)* – **Понятно... Да, ты «Горбачёва» сегодня слышал?** *(имеется в виду песня ИПВ. – Прим. ред.)*

Е.: Да так, смутно *(имеет в виду телевизор)*.

(Роман объясняет, что он имеет в виду.)

Е.: Вашего? Нет. То есть слышал.

Ш.: Не слышал, не слышал. В зале не слышал. Пришёл на «Дерьмо».

А.: *(стацился)* – **Пришёл на «Дерьмо»!**

Ш.: Или слышал?

Е.: Слышал, слышал.

Ш.: В зале «Горбачёва»?

Е.: Да слышал я «Горбачёва». Когда на саксе?

А.: Да, мы вчера на кухне делали.

Е.: Ну слышал я «Горбачёва», раньше слышал.

Р.: Сегодня ты слышал? (*Достал наконец.*)

Е.: Да.

Р.: Это, по-твоему, панк?

Е.: (*Подумав.*) В общем-то, да. Только он сыгран слишком хорошо, я бы так сказал.

А.: Сыгран хорошо?

Е.: Академично. И драйва поэтому меньше, нет его. Не то что нет, а то, что Саня играет на баса чисто, это не то.

А.: Подожди, «драйва нет». Там агрессии нет. Это – нытье сплошное. Какой же это панк? В лучшем случае это плач. Есть даже разновидность народных песен – плач.

Ш.: То же самое – рэгги-растафара.

А.: Да, да, рэгги.

Е.: А панк и рэгги – это одно и то же.

Ш.: Да вообще, тут всё через жопу переплетается.

А.: Вообще... «Лучше по уши влезть в дерьмо», «Горбачёв» – у них народная основа получается, типа народных песенных распевок (*речь идёт о песнях ИПВ*).

Е.: Да, панк и рэгги – это в одну сторону прёт-то. И так получилось, что новая волна вся из рэгги исходит. СЕКС ПИ-СТОЛС возникли, оказывается, как группа, которая раньше

рэгги играла. Когда у них ещё альбомов не было, они рэгги играли. Так что тут ещё говорить? Да, Боб Марли – это чистый панк-рок. Что ещё можно сказать, когда человек переживает, когда болеет душой, когда ему по-настоящему больно, тогда всё, что он делает, умно получается, потому что когда человек много страдал, он какой-то мудрый становится. Во!!! Дело даже не в интеллекте. Человек, который много пережил, которому плохо было, он уже ерундой заниматься не будет. То есть всё, что он делает, будет каким-то смыслом наполнено, просто-напросто. То есть он не будет ничего лишнего делать, не будет говно играть, а будет делать какие-то настоящие вещи, как Шевчук там или ЧАЙФ.

А.: Просто чувствует жизнь.

Е.: Всё, что они делают, уже смыслом наполнено. Это – ум какой-то, мудрость.

А.: Осознание, скажем.

Е.: Поэтому я Свинью не принимаю и принимать никогда не буду. То, что он делает, – это некоторое даже предательство по отношению к року. Когда человек такой лажей занимается – это по меньшей мере обидно.

Р.: Понятно. Но ты относишься к этому делу как сподвижник?

Е.: Да.

А.: Кстати, ты знаком с идеей «Ъ»?

Е.: Терроризма? Знаком. Я с ним ругался по этому поводу.

А.: А вот ещё теория «новых левых».

Е.: Я страшно ругался с ними по этому поводу.

Р.: Я ему при встрече сказал, что он либо агент ГБ, либо дурак.

Е.: Я ему сказал по-другому. Я ему сказал, что если узнаю, что он что-нибудь в этом роде сделал, то я с ним лично начну воевать, я его просто могу в ГБ сдать. Этот человек опасен. Во-первых, он дискредитирует всё движение панк. Если он сделает хоть бы один теракт и назовёт себя панком после этого, то всем нам крышка. А во-вторых, то, что он делает – это анти-рок и анти-панк. Это то, что делают любера, только под другим знаком – тот же самый фашизм.

А.: Больше всего это похоже на провокацию.

Е.: Да, я вообще удивился, когда узнал, что такие люди на свете есть.

Р.: Человек живет в фешенебельной хате, до сего времени ничего практически не сделал, и сейчас ему, по-видимому, захотелось чего-нибудь остренького, и с чисто эстетических заморочек он торчит на панке.

Е.: У него идея такая, что нужно все разрушить и сломать. Я у него спрашиваю: «А чего ты вообще хочешь?» А он мне: «А дальше видно будет». Я его спрашиваю: «А дальше что?» Отвечает: «Хочу, чтобы люди думать начали». Я ему: «А ты сам-то начал думать?» – «А черт его знает – то ли начал, то ли нет». Короче чувак – или дурак, или еще чего.

Р.: Не думаю, что он чем-то в этом роде будет заниматься.

Ш.: Бред.

Е.: Чистый бред. Провокация какая-то.

Е.: ГБистская.

А.: Скорее, провокация.

Е.: Очень на это похоже.

А.: Сколько я с ним спорил, объяснял. А он говорит, что это, мол, нам нужно, чтобы защищаться от любителей.

Е.: Кстати, он мне ничего про любителей не говорил. Вот с кем стоит воевать, так это с люберами.

А.: Про любителей это уже Коля Рок-н-ролл занёс. Он же вообще вещал, что назревает опасность любителей, и главная опасность – их единение.

Е.: Коля очень в жилу говорит, я с ним согласен.

А.: Их «Память» может просто завербовать.

Е.: Я, кстати, следующий альбом посвящаю обществу «Память» и люберам. Там все песни про это будут. Это сейчас самая яркая и жестокая опасность. Ни разу ещё не было такой опасности по отношению к нам, к живым людям, которые сейчас в Союзе живут.

А.: Чёрная сотня.

Е.: Да, чёрная сотня. Причём эта волна «патриотизма» растёт с каждым днём, растёт прямо на глазах, всё круче и круче во всех городах. Это напоминает Германию 33-го года один в один, буквально по всем проявлениям. Я боюсь, как бы того же самого не вышло. Чтобы мы не оказались в поло-

жении той части интеллигенции, которая тут же скипнула, когда у них там путч начался в 1937-м.

А.: В 1937-м это у нас.

Р.: Да, кстати, о ТЕЛЕВИЗОРЕ. Твоё отношение ко всем этим делам. «Твой папа – фашист»...

Е.: Моё отношение... У меня некоторое недоумение по поводу того, почему группа два года играла всякую херню, а потом вдруг неожиданно, когда случилась перестройка, они стали играть совершенно другое.

А.: Так может, не литовали?

Е.: Почему они в альбомы это не включали?

Ш.: Может, чисто случайно?

Е.: Да нет, первый альбом группы всегда самый лучший.

А.: А альбомы в Ленинграде не литовались? (Чем чёрт не шутит, Ленинград всё-таки.)

Е.: Ну, какая может быть литовка альбомов, если группа андеграунд?

А.: Подожди. Первый альбом – «Шествие рыб»?

Е.: Да. Херня же.

А.: В каком году он вышел?

Е.: В 1986-м.

А.: В 1986-м перестройка была уже в полный рост.

Е.: А что они такую херню играли?

Ш.: То есть ты не веришь в Мишу как в честного человека, что ли?

Е.: Да вот как-то странно получается, непонятно. А если

он сейчас играет вот такой экстремизм, во-первых, непонятно, что за ним кроется. То есть что дальше? Гребенщиков сказал правильно: «Дай Борзыкину власть, он фашизм похлеще, чем сейчас, сделает». А во-вторых, в Свердловске он пел одно, в Питере – другое, в Симферополе – третье. Он купюры допускает в текстах.

А.: Как???

Е.: А вот так. В Свердловске он пел: «Вы можете поставить меня на колени и всё это назвать перестройкой», а потом он это не пел. В Симферополе он этого не пел.

А.: Чтобы ему ещё концерты дали?

Е.: Да, да, да.

Р.: То есть ты видишь в этом проявление конъюнктурности?

Е.: Да, он уже начал продаваться.

Р.: Всё, что касалось Свердловского, Ленинградского рок-клубов, это уже, как говорится, концертные организации. Довольно солидные. Там никакого панка быть не может.

Е.: Да. Во-первых, он музыкального отношения к панку не имеет, потому всё это – гнилая эстетика, советский ДЖА-ПАН какой-то. А во-вторых, если он хочет сказать «Долой Советы!», почему он это не делает?

Р.: Тут ещё вот что. Если ты хочешь что-то сказать, то ты это можешь сказать, а если ты хочешь это доказать, обосновать, исподволь к этому подвести, то так

петь не стоило. Ну раз сказал «Долой!», два сказал...

Е.: Так он это только и говорит. Это плакатная поэзия, тупая такая.

Р.: Я у него спрашивал, почему он же поёт «Долой Совдеп!». Он как-то так ответил...

Е.: Вот видишь.

А.: Потому что потом нечего будет петь.

Р.: А больше вообще петь нечего будет.

Е.: Да нет, всегда есть про что петь.

А.: Как сказал Юджин: «Про что бы ни пели, это всё равно будет про советскую власть».

Е.: Да, всегда будет о чем петь. Человек поет, потому что ему плохо.

А.: Так ты всё-таки веришь в искренность?

Е.: Не верю. Хотя в общем-то он с кайфом поёт, и в то же время такое чувство, что он с самим собой неискренен. Боится самому себе в лицо посмотреть или боится последовательно в самом себе разобраться. У меня вот такое чувство. Но в общем и целом я к нему хорошо отношусь. То, что он делает, по сравнению с остальными питерскими – это кайф. Хотя бы по сравнению с этими же самыми ОБЪЕКТАМИ НАСМЕШЕК, АКВАРИУМОМ. Кинчевым тем более...

Р.: А к Боре как ты относишься?

Е.: Я его не знаю хорошо и как о человеке говорить о нём не буду. А в общем и целом я Борю уважаю. Человек работает для самого себя, то есть настолько человек полностью

погружён в самого себя и работает себе в кайф, насколько я понимаю.

А.: Ты считаешь, главное – себе в кайф?

Е.: Это он так считает и так делает.

Р.: Ты это разделяешь?

Е.: Не то что разделяю... Уважаю, он это искренно делает.

А.: Ты неправ.

Р.: Ты уважаешь его последовательность в этом деле?

А.: То, что он только себе в кайф, – ты неправ. Он всегда говорил, что хотел жить кайфово и делать кайф другим.

Е.: Да он, похоже, людей не любит. У него отношение к публике гадливое такое. И то, что он играет в зале, для него в тягость, то есть ему лучше дома сидеть и песенки сочинять, это гораздо ему больше по кайфу. То, что он выходит на сцену, песни поёт – это потому, что ему башли платят, или потому, что надо, или ещё почему. Только не потому, что ему хочется этим людям спеть. То, что он делает, это вообще, по моему, не рок, это какие-то другие дела, внутренние дела. Если глубоко копать, то это ближе к КСП. Там у него агрессии нет.

А.: В последних вещах.

Е.: У него и раньше-то не было агрессии.

Ш.: Это почему же?

Е.: Ну есть там «Электрический пёс» или «Прекрасный

дилетант», и то какие-то случайные.

А.: В них нет прямой агрессии. У него совсем другая программа. Программа убеждения.

Р.: Он считает себя гуру.

Е.: Есть отчасти. А что мне глубоко не нравится – то, что он с Запада всё дерёт. Если глубоко копать, то у него своего ничего нет.

Р.: Ты считаешь, у нас возможно что-то своё сделать? Ведь очень многое, почти всё, берём из эмпирики. Всё, что слышал в своей жизни, как-то переварилось, перемешалось.

Е.: Так это обязательно.

Р.: Ты тоже много слышал, значит, ты тоже дерёшь.

Е.: Я считаю, что вся рок-культура в мире – одна. У меня такое убеждение, что я нахожусь в том же положении, как, допустим, Роттен. У меня нет разделения: здесь и там. Если глубже копнуть, то я считаю наравне с какими-нибудь КЛЭШ. То есть если бы я попал туда, я точно так же к ним зашёл, поговорил. Мы варимся в одном котле, поэтому у меня нет разделения на нас и на них. А Гребенщиков постоянно ощущает, что он здесь, а они там. Почему наша страна в отношении рока отстаёт? Потому, что рок-культура постоянно ощущает, что она здесь, а они там. Я не чувствую, что живу здесь. Всё едино, как некий рок-котёл. Я слушаю Игги Попа и общаюсь с ним. Мы с ним вместе, два брата, он поет для меня, я пою для него. Я считаю, что музыка делается для му-

зыкантов, художники рисуют для художников, поэты — для поэтов... Только музыканты, панки, могут оценить твои песни, я имею в виду даже не столько музыкантов, а людей, которые...

А.: Ну, понятно.

Е.: Поэтому для меня панк, который был на Западе, — не то, что на Западе или у нас, просто есть панк и есть непанк. Допустим, панк, который играют, скажем, в Праге, — это панк, который круче, чем, допустим, ЭКСПЛОЙТЕД, или какие-нибудь ДРАКОНЫ из Китая ещё круче, чем наш панк, допустим, вместе взятый. Просто мы одна культура, одно целое, один котёл. А если, допустим, Гребенщиков, подсознательно, я чувствую, разделяет на советскую и западную. Поэтому поляки, БРИГАДА КРИ, их и в Англии слушают, там пластинки выходят, всё это по кайфу. Вот и ДК скоро выйдет, я надеюсь.

Р.: То есть ты считаешь, что у панка национальных корней нет?

А.: У рока вообще?

Е.: У рока?

Р.: И даже у рока... Мы как-то автоматически приняли рок за панк. Настоящий рок — это панк.

Е.: Да-да, это чётко совершенно.

Р.: Так, а корней у него национальных нет.

Е.: Есть. Только эти корни у каждого свои. А вообще, если глубже копать, то у всех корни-то одни. Вся культура народ-

ная, мировая, она вся по своей сути похожа.

Ш.: Да она одна и есть.

Е.: Что Африка, что Россия, вот эти вот шаманские дела по деревням, что какие-нибудь индейцы американские, что какой-нибудь оркестр миланский, какой-нибудь австралийский – это всё один хер. Я вот слушал африканские дела, истинно традиционные народные, я слышал, что ансамбль Покровского поёт. Всё то, что Покровский делает, – это панк-рок, это рок в чистом виде, с таким драйвом, который не снился ни ЛЕД ЗЕППЕЛИН, ни ЙЕС. Когда я «Музыкальный ринг» с Покровским смотрел, я весь концерт орал, я плясал, я на стене «анархия» рисовал. Потому что то, что они делают, – это именно рок в чистом виде. И вот эти все народные дела, что Африка, что Америка... Чукотскую народную музыку послушал. То, что они делают, и Игги Попу не снилось. Все-все, что люди делают, – это культура человеческая – которая корнями едина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.